

«Не может не вызвать тревогу аннулирование ученых степеней...»: диссертации по истории, отклоненные ВАК (случай Института истории АН СССР, 1940-е — начало 1950-х гг.)¹

Н. В. Гришина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена анализу последствий отрицательных решений ВАК о присуждении ученых степеней, принятых в начале 1950-х гг. В центре статьи обсуждение доклада А. А. Новосельского, состоявшееся в марте 1952 г. в Институте истории АН СССР. На заседании ученого совета рассматривались 4 эпизода лишения ученой степени или отклонения диссертации. Анализируются коммуникативные и поведенческие стратегии участников заседания, выявляется контекст развития исторической науки и научной политики 1940-х — начала 1950-х гг. и его влияние на выбор риторики обсуждения и принятые решения. В статье делается вывод о том, что аннулирование ученых степеней или отказ в их присуждении являлись проявлением масштабных идеологических кампаний периода позднего сталинизма.

Ключевые слова: советская историческая наука, диссертация, ученая степень, аннулирование ученой степени, ВАК, Институт истории АН СССР.

Постановка проблемы исследования

31 марта 1952 г. в Институте истории АН СССР состоялось заседание ученого совета, в центре которого был доклад заместителя директора А. А. Новосельского, посвященный, со слов автора-докладчика, «некоторым недостаткам в организации защиты кандидатских и докторских диссертаций в нашем ученом совете»². По сути, на обсуждение совета был вынесен вопрос о диссертациях, защищенных в Институте истории на протяжении 1940-х гг. и отклоненных ВАК в начале 1950-х гг. Обращение к тексту доклада, прениям по нему и обсуждению итоговой резолюции позволяет зафиксировать целый ряд изменений, касающихся как научного исторического нарратива, так и конвенциональных норм, регулирующих процесс присуждения ученой степени.

Проблематика аннулирования ученых степеней в советской науке находится на стыке нескольких исследовательских полей. Для понимания взаимодействия ВАК и ученой корпорации, стратегий соискателей ученых степеней в период позднего сталинизма важно учитывать общие процессы развития исторической науки и специфику научной политики второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. В обозначенный период в науке были артикулированы национальные интересы, взят

курс на изоляционизм и самодостаточность, что выразилось в идеологических кампаниях, широко развернувшихся, начиная с 1947 года [Трансформация образа исторической науки..., 2011; Тихонов, 2016; Кимерлинг, 2017].

В работах, посвященных непосредственно советской научной политике в сфере подготовки кадров высшей квалификации, предметом которых является «формализованная (или формальная) сторона диссертационной культуры» [Мамонтова, Соганова, 2014. С. 148], реконструируется картина принятия решений в сфере присуждения ученых степеней, обозначаются основные этапы развития советской диссертационной системы, перечисляются государственные инициативы в регулировании процесса научной аттестации [Выскуб, 2005; Колеватов, Соганова, 2011]. В ряде работ, помимо указанной проблематики, анализируются случаи отказа ВАК в присуждении ученой степени [Сонин, 2004; Корноухова, 2016]. Важным является тезис, что на защиту и утверждение ВАК выносилась не собственно диссертация, а «диссертационный текст», определяемый как «набор сопутствующих документов», которые и подвергались экспертизе и оценке [Парсамов, Шалаева, 2014. С. 12]. К 1940-м г. ВАК прошла путь от институции, где предполагался «состязательный процесс между реальными людьми», в сторону его бюрократизации и заочного рассмотрения диссертационного дела. К этому времени «психология осажденной крепости», выраженная в выработке идеологических и политических ориентиров при присуждении ученой степени, в настороженном отношении к заграничным публикациям, а также создании «многоуровневой системы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22—28—00557 «Диссертационная культура научного сообщества советских историков 1920—1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки ученых».

² АРАН. Ф. 1577. Институт истории АН СССР. Ученый совет. Оп. 2. Д. 286. Л. 17.

филтрации», распространилась на всю систему научной аттестации [Парсамов, Шалаева, 2014. С. 20—21, 28—36].

На рубеже 1940-1950-х гг. закрепляется новая модель изучения «национальных историй». В 1920-е гг. при создании национальных нарративов упор делался на признании имперской национальной политики безусловным злом, по выражению М. Н. Покровского, «абсолютным злом». В 1930-х гг. в историческом национальном нарративе сложился образ «дружбы народов» при первенстве русского, что закрепилось в формуле «*наименьшего зла*» [Советский национальный проект..., 2021. С. 453—457]. Исследователи фиксируют некоторую неопределенность, конфликтность в оценках национальной политики между двумя подходами на протяжении 1930—1940-х гг., что порождало дискуссии и давало возможность для маневра в ее интерпретации. Данная ситуация длилась до конца 1940-х гг. Поворотной точкой стал 1950-й г., подведший определенную черту под спорами о том, как правильно писать национальные истории [Советский национальный проект..., 2021. С. 468]. Сформировавшийся/победивший канон исходил из идеи «дружбы народов» при старшинстве русского. Авторы резюмируют, что в основу общесоветской практики создания исторического нарратива был положен «симбиоз материалистического, патриотического и русоцентричного взгляда на историю народов и республик СССР» [Советский национальный проект..., 2021. С. 469]. Дальнейшая трансформация модели написания национальных историй произошла в начале 1950-х гг. и выразилась в формуле «*абсолютного блага*» [Дубровский, 2005. С. 588—598]. Неоднократная смена канона приводила к критике ранее появившихся трудов, а в случае с диссертациями к лишению их авторов присвоенных ученых степеней.

В обсуждении проблемы аннулирования ученых степеней, состоявшемся в марте 1952 г. в Институте истории АН СССР, контекстуально прослеживается влияние изменений государственного идейно-политического курса, научной политики и деятельности ВАК, трансформации национально-исторического нарратива, произошедших на протяжении 1940-х — начале 1950-х гг.

Диссертации и их авторы: содержание критики

В 1951-1952 гг. ВАК приняла несколько отрицательных решений применительно к диссертациям, защищенным в Институте истории АН СССР, что, наряду с критикой в ряде публикаций в периодической печати, и стало исходной точ-

кой для организации заседания ученого совета. На анализируемом заседании рассматривалось 4 таких эпизода, 3 из которых касались диссертаций по «национальной» проблематике (см. таблицу).

Первой рассматривалась докторская диссертация И. И. Зильберфарба о социальной философии Шарля Фурье, защищенная в 1947 г.¹. Диссертант был обвинен в разделении «ряда немарксистских положений», а сама работа, написанная «с объективистских позиций», не отвечала «требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям»². Обсуждение работы Зильберфарба в качестве первого примера «отклоненных» диссертаций было обусловлено ее упоминанием в газете «Правда» в публикации о подготовке советских научных кадров. В статье, наряду с перечислением успехов на этом поприще, содержалась критика «либеральных» ученых советов, в том числе и Института истории АН СССР, в которых защищаются подобные, написанные с «буржуазно-объективистских позиций» работы³. Главным основанием для критики диссертации стал тезис, что «французский утопический социализм является не только одним из источников, но и одной из составных частей марксизма»⁴. Таким образом, в диссертации Зильберфарба были обнаружены «элементы космополитизма», а также специально указывалось, что «в ней колоссально использована иностранная литература, что по существу переходит уже в отрицательное качество»⁵.

Вторым рассматривалось дело Г. П. Башарина, защитившего в сентябре 1943 г. кандидатскую, а в июне 1950 г. докторскую диссертации. В 1951 г. его кандидатская диссертация о якутских просветителях подверглась серьезной критике, нашедшей отражение в публикациях в центральных и региональных газетах, а также в обсуждении

¹ В публикациях, посвященных И.И. Зильберфарбу, практически не встречается упоминаний о критике его диссертации. Лишь в его некрологе, наряду с констатацией факта успешной защиты докторской диссертации в 1947 г., содержится намек на сложности с продвижением работы: «Превосходное исследование И. И. Зильберфарба, увидевшее по ряду причин, не зависящих от автора, свет лишь через 15 лет, дало возможность советской исторической науке внести в список своих достижений фундаментальный научный труд о Фурье и фурьеризме, написанный знатоком вопроса» // Зильберфарб Иогансон Исаакович (некролог) // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 219.

² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 286. Л. 20.

³ Всемерно улучшать подготовку научных кадров // Правда. № 191 (12028). 10 июля 1951 г. С. 1.

⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 286. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 21.

**Информация о диссертациях, защищенных в Институте истории АН СССР/
и отклоненных ВАК, и их авторах**

Тема диссертации	Ученая степень	Дата защиты диссертации	Оппоненты	Результаты голосования ученого совета	Год аннулирования / неутверждения
Иогансон Исаакович Зильберфарб					
Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли	Доктор наук	24.02.1947	Р.А. Авербух А.И. Молок Ф.В. Потемкин Неофиц.: А.М. Деборин В.В. Бродов Н.Е. Застенкер	15 – за 1 – против	1951
Георгий Прокопьевич Башарин					
Три якутских реалиста просветителя (Кулаковский, Неустроев и Софронов)	Кандидат наук	10.09.1943	С.В. Бахрушин С.А. Токарев Неофиц.: И.А. Ильин	Единогласно	1952
История аграрных отношений в Якутии во второй половине XVIII – и в первой половине XIX века	Доктор наук	05.06.1950	В.К. Никольский Н.Н. Степанов М.К. Рожкова Неофиц.: С.З. Борисов С.А. Токарев	Единогласно	1952
Ермухан Бекмаханович Бекмаханов					
Освободительная борьба казахов под предводительством Кенесары Касымова	Кандидат наук	28.06.1943	А.М. Панкратова М.П. Вяткин Я.Я. Зутис Неофиц.: С.В. Бахрушин Б.Д. Греков	Единогласно	1951
Казахстан в 30—40-е гг. XIX в.	Доктор наук	14.10.1946	М.П. Вяткин Н.М. Дружинин С.В. Юшков Неофиц.: А.М. Панкратова С.В. Бахрушин	14 – за 1 – против	1951
Зариф Шарипович Раджабов					
История общественной мысли Узбекистана в капиталистический период	Доктор наук	29.03.1948	Н.М. Дружинин С.П. Толстов К.В. Сивков Неофиц.: т. Наджибов	Единогласно	1950

Составлено по: АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 65, 112, 142, 166, 228.

в Якутском обкоме ВКП(б)¹. В газете «Правда» Башарин обвинялся в антимарксизме, состоящем

¹ При этом необходимо отметить, что ученые степени Г. П. Башарина в Якутии рассматривались как предмет гордости и отражение передового статуса региона. Так, на защите докторской диссертации со словами поддержки выступил С. З. Борисов, председатель Совета министров ЯАССР, депутат Верховного Совета СССР. См.: АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 228. Л. 53. Уже через год он стал одним из авторов критической публикации о кандидатской диссертации Башарина в газете «Правда».

в том, что он охарактеризовал «дореволюционные националистические взгляды трех писателей как “прогрессивный” и “здоровый” национализм, направленный против колониального гнета царизма»². Обвинения в буржуазном национализме дополнялись утверждениями, что диссертация «переполнена извращениями, фальсификациями в использованных источниках и даже прямыми

² Борисов С., Сурков А., Климович Л. За правильное освещение якутской литературы // Правда. № 344 (12181). 10 декабря 1951 г. С. 3.

переделками источников в его интересах»¹. Выводы, в первую очередь кандидатской диссертации Башарина, были объявлены ошибочными и вредными, а сам он в 1952 г. лишен ученой степени².

Третьим эпизодом в докладе Новосельского стало обсуждение диссертаций Е. Б. Бекмаханова. Его дело было самым резонансным³, отдельный ученый совет о нем состоялся ранее⁴, поэтому в докладе А. А. Новосельского диссертации Бекмаханова были упомянуты лишь вскользь. Бекмаханов защитил кандидатскую и докторские диссертации в ученом совете Института истории в небольшом разрывом в 3 года: в июне 1943 г. и октябре 1946 г. Как и в случае с Башариным, основная критика сосредоточилась на выводах его кандидатской диссертации. Новосельский, практически повторяя текст публикации в газете «Правда»⁵, утверждал, что Бекмаханов, «забыв о требованиях марксизма-ленинизма, превознес Кенесары Касымова на высоту прогрессивного народного вождя антиколониального освободительного движения»⁶.

Наконец, завершающим эпизодом стало обсуждение неутверждения в ученой степени доктора наук З. Ш. Раджабова, защитившего в марте 1948 г. диссертацию по истории общественной

мысли Узбекистана⁷. «Изучение диссертации в Вак-е показало, что автор дает совершенно неправильную, порочную оценку контрреволюционному, буржуазно-националистическому, так называемому джадистскому движению, характеризуя его, как “просветительское”»⁸. «Националистические ошибки» диссертации Раджабова были отмечены и комиссией А. Л. Сидорова, проводившей проверку Института истории АН СССР в 1950 г.⁹

Доклад А. А. Новосельского: контекст и интерпретация

Само заседание было организовано достаточно традиционно. После доклада А. А. Новосельского прозвучали выступления членов ученого совета, большинство которых являлись оппонентами отвергнутых диссертаций, в завершении была принята итоговая резолюция. Механизм проведения подобных обсуждений, которые можно рассматривать как частный элемент масштабной идеологической кампании, включал четко определенные организационные и содержательные этапы [Кимерлинг, 2017. С. 138]. Сценарное оформление заседания свидетельствует о наличии «проработочного ритуала» [Тихонов, 2016. С. 264—265]. Его частью были решения вышестоящих учреждений и публикации в прессе по обсуждаемому вопросу, реакция на них в виде осуждения/покаяния и «обратная связь» в форме отчетов и стенограмм проведенных собраний [Колеватов, Корзун, 2009. С. 111—113].

Красной нитью через выступление А. А. Новосельского проходит беспокойство о репутации Института истории АН СССР. Подчеркивая первенство Института истории по числу диссертационных диспутов (Новосельский называет 207 диссертаций, защищенных с 1942 по 1951 г.), он высказывает озабоченность, что по «ведущему на историческом фронте институту» тяжело ударят последствия отклонения диссертаций и лишения ученых степеней. Особенно его беспокоит типовой характер оснований, по которым аннулировались ученые степени. «Один и тот же порок повторяется», ученый совет «систематически пропускал, проглатывал эти ошибки», — сетовал Новосельский, указывая, что диссертации, обви-

¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 286. Л. 27. Отдельно с развернутой критикой диссертаций Башарина на заседании ученого совета выступил А. В. Пясковский. См.: Там же. Л. 54-71.

² Лишь в 1962 г. постановлением Якутского обкома КПСС «Об исправлении ошибок в освещении некоторых вопросов истории якутской литературы» с Г. П. Башарина сняли обвинения в буржуазном национализме. Подробнее о разворачивании ситуации с диссертациями Башарина см.: Профессор Башарин: переписка с историками (1943—1989 гг.). 2-е изд., доп. / сост. В. Г. Бухерт. Якутск: Айар, 2022. 304 с.

³ Для историка выявление «ошибок» и «пороков» в диссертациях имело драматические последствия. В декабре 1952 года Е. Б. Бекмаханов был приговорён к 25 годам тюремного заключения. В феврале 1954 г. удалось добиться его освобождения и последующей реабилитации. В 1957 г. историк повторно защитил докторскую диссертацию о присоединении Казахстана к России. Можно говорить о складывании историографической и мемориальной традиции оценки Е. Б. Бекмаханова как жертвы режима, а его дела как проявления борьбы в ученой среде Казахской ССР.

⁴ АРАН. Ф. 1577. Институт истории АН СССР. Оп. 2. Д. 256. Протоколы заседаний Ученого совета № 1-25.

⁵ Шоинбаев Т., Айдарова Х., Якунин А. За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана // Правда. № 360 (11832). 26 декабря 1950 г. С. 2—3.

⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 286. Л. 30.

⁷ Насколько можно судить, в современной историографии «дело Раджабова» не упоминается. Его интеллектуальная биография выстраивается как череда успешных научных проектов и карьерных свершений. См., например: Хамидов Н. А., 2009.

⁸ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 286. Л. 30.

⁹ НИОР РГБ. Ф. 632. Сидоров А. Л. К. 80. Ед. хр. 5. Л. 24. О работе и выводах комиссии см.: Тихонов В. В., 2016. С. 256—261.

ненные в буржуазном национализме, защищались на протяжении длительного времени — с 1943 по 1950 г.¹ Докладчик пришел к выводу, что причины сбоев в работе ученого совета лежат в двух плоскостях — недостаточность специальных знаний по истории национальностей и снижение политической бдительности².

Таким образом, центральная идея доклада заключалась не в критике неутвержденных ВАК диссертаций, а в обсуждении положения Института истории АН СССР и статуса его ученого совета. В качестве маркера для беспокойства можно рассматривать проверку деятельности Института истории, закончившуюся неутешительными для подразделения выводами комиссии А. Л. Сидорова (1950 г.), усиленными в докладе Агитпропа ЦК Г. А. Маленкову, когда «многие выводы комиссии сознательно выпячивались и подчеркивались, увеличивались масштабы ошибок» [Тихонов, 2016. С. 260]. В качестве демонстрации недовольства организации работы в Институте можно оценить и кадровые перестановки в руководстве институтом, реальные и ожидаемые [Институт российской истории РАН, 2021. С. 36-37], и изменения в составе его ученого совета.

Атмосфера тревоги и подозрительности, окутавшая сообщество историков с конца 1940-х гг., как результат «хаотического мыслетрясения и людетрясения»³, оставившая «глубокие моральные травмы»⁴, дополнялась изменением формальной стороны диссертационной культуры. Начиная с 1948 г., был принят ряд постановлений, демонстрирующий усиление внимания к содержанию диссертаций: зарождается практика авторефератов диссертаций при сохранении публикации тезисов, выносимых на защиту; в отраслевых журналах издаются аннотации защищенных исследований; усиливается внимание к соответствию научной специальности, по которой заявлена диссертация, профилю ученого совета; вводится процедура предварительных отзывов-рекомендаций о диссертациях низовыми подразделениями перед рассмотрением их ученым советом [Выскуб, 2005. С. 47-48].

Безусловно, работа ученого совета выстраивалась с оглядкой на содержание научной политики и общие настроения ученых. В докладе Новосельский акцентировал несколько важных моментов. Говоря о проблемных диссертациях, он в основ-

ном следовал формулировкам и словесным оборотам опубликованных в периодической печати статей. Все диссертанты были определены как носители «вопиющих пороков», которые были пропущены, «не замечены» сотрудниками Института истории⁵. Новосельский констатировал, что Институт истории, как центр развития науки, а «не педагогический институт»⁶, должен повышать теоретический и идейно-политический уровень своих сотрудников. Он предлагал внимательно знакомиться со всеми диссертационными материалами, для чего выделить специального сотрудника с поручением по изучению всех материалов дела⁷, того самого «диссертационного текста» [Парсамов, Шалаева, 2014. С. 12]. Наконец, автор резюмировал, что члены ученого совета несут ответственность за сложившуюся ситуацию, они совершили идеологическую «ошибку», которую нужно немедленно исправлять.

Обсуждение доклада и реакция на него

Дальнейший ход обсуждения предполагал выявление виновных и определение степени ответственности. В ряде случаев диссертанты пытались облегчить участь членов ученого совета, направив в адрес института письма (Г. П. Башарин)⁸ и телеграммы (Е. Б. Бекмаханов)⁹, где признавали свои идейные ошибки и брали вину на себя. Развернутое письмо Башарина и краткая телеграмма Бекмаханова с точки зрения построения нарратива были очень похожи. Сначала авторы фиксируют справедливость критики в их адрес, далее признают вину, считая свои ошибки невольными и непреднамеренными, в завершении говорят о готовности их исправить и при поддержке партии и научного сообщества вернуться к исследованиям. Наиболее подробно высказывается Башарин, при этом в его письме появляется новая тема — наличие ошибок как

⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 286. Л. 31.

⁶ Там же. С. 34.

⁷ Там же. Л. 33.

⁸ Важно подчеркнуть, что письмо Башарина было адресовано не только дирекции, но и партийной организации Института истории. Наличие партийного контроля было неотъемлемым элементом подобных обсуждений [Колеватов. Корзун, 2009. С. 112].

⁹ В телеграмме, адресованной Грекову, говорилось: «Статью Правды осуждающую мою книгу считаю совершенно правильной. Подробным разбором и признанием ошибок написал письмо в ЦК ВКПб. Мною в полной мере осознана суть допущенных ошибок и в состоянии полностью исправить и глубоко верю, что в этом поможет ЦК ВКПб и коллектив историков ИИ» // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 256. Л. 37. Орфография текста документа — Н.Г.

¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 286. Л. 18, 23.

² Там же. Л. 32.

³ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3. С. 146.

⁴ Поляков Ю.А. Минувшее. Фрагменты. Воспоминания историка : в 2 кн. М. : Собрание, 2011. Кн. 2. С. 58.

необходимая составляющая развития науки. Он писал: «Я глубоко извиняюсь перед дирекцией, партийной организацией, перед всеми членами Ученого Совета за то, что моя кандидатская диссертация оказалась антинаучной, вредной для дела коммунистического воспитания трудящихся. Я заслуживаю не только снятия с меня кандидатской степени, но и беспощадного морального осуждения. Но все же осмеливаюсь просить некоторого снисхождения в последнем. Мои ошибки невольные. Наука — такая область человеческой деятельности, в которой, по-видимому, нередко бывают невольные ошибки. Марр и его ученики около трех десятков лет воображали себя марксистами, а многие научные учреждения и ученые принимали их антимарксистское “новое учение” за марксизм»¹.

Участники дальнейшего обсуждения, особенно оппоненты аннулированных диссертаций, демонстрировали готовность к саморазоблачению. Так, А. М. Панкратова, участвовавшая в оппонировании диссертации Бекмаханова, признавалась, что «я лично недостаточно глубоко, недостаточно по-серьезному подошла к оценке всего этого вопроса», излишне доверившись мнению и квалификации диссертанта и других оппонентов. В итоге, «моя оценка была не моя оценка», — резюмировала Панкратова². Н. М. Дружинин, оппонент докторских диссертаций Бекмаханова и Раджабова, выбрал иную тактику. Он сосредоточился на процедурных моментах, сопровождавших подготовку и проведение диссертационных диспутов. Дружинин говорил о необходимости обсуждения научной концепции, положенной в основу диссертации (фактически речь шла о предварительной методологической и идеологической оценке рецензируемой работы). «Нужно, чтобы ответственность за доброкачественность диссертации несли и все сотрудники сектора»³, — считал Дружинин. Дружинин говорил об установлении нескольких фильтров прохождения диссертации через институт, включая ее детальное обсуждение со специальными оппонентами на заседании сектора и с возможностью исправления⁴.

Дружинин, в отличие от Панкратовой, не был готов посыпать голову пеплом и признать свою несостоятельность как оппонента. На заседании по диссертации Бекмаханова историк голосовал против аннулирования его ученых степеней. О разногласиях при обсуждении дела Бекмаха-

нова Дружинин писал в своих воспоминаниях⁵. Видимо, испытывая определенное давление, Дружинин по итогам заседания обратился в ученый совет с запиской, где признал, что погорячился и изменил свое решение на «воздержался»⁶.

В стенограмме заседания нашел отражение еще один аспект истории науки — перекалывание ответственности. В частности, А.М. Панкратова попыталась большую часть ответственности за решения по диссертациям Бекмаханова возложить на другого оппонента — ленинградского историка М. П. Вяткина, с которым расходилась в идейном плане еще при подготовке «Истории Казахской ССР». При этом ее утверждение об опоре при подготовке отзыва «на определенные авторитеты научные в лице Вяткина и политические авторитеты в лице соответствующих организаций в Казахстане»⁷, подчеркивают сложность обращения с национальной проблематикой в 1940-е гг., а также «неопределенность существовавшего идеологического канона» [Тихонов, 2016. С. 466].

Выступающие в прениях по докладу выражали обеспокоенность о репутации Института истории и его ученого совета. «Не может не вызвать тревогу аннулирование ученых степеней, которые мы присвоили за целый ряд кандидатских и докторских диссертаций»⁸, — с таких слов начала свое выступление А. М. Панкратова. Ей вторил Н. М. Дружинин: «Нет никакого сомнения, что факты, оглашенные в докладе А.А. Новосельского, представляются очень тяжелым явлением в жизни нашего Ученого совета, и нет никакого сомнения, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы на будущее время обезопасить себя от этого»⁹. Положению и ответственности ученого совета Института была посвящена реплика Л. Н. Пушкарева. Он говорил о слабой дисциплине, незаинтересованности членов ученого совета ходом защиты диссертаций, участием только в голосовании по ним, исключительно на основании мнения оппонентов. Пушкарев резюмировал, что «надо требовать с оппонентов, чтобы они ответственно относились к своим обязанностям, но надо требовать и с остальных членов Ученого Совета, чтобы они также ответственно относились к своим обязанностям»¹⁰.

Заключительным аккордом заседания стало обсуждение итоговой резолюции, которую с ходу

¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 286. Л. 36.

² Там же. Л. 38, 40.

³ Там же. Л. 51.

⁴ Там же. Л. 48—49.

⁵ Дружинин Н. М. Воспоминания о Е. Б. Бекмаханове // Дружинин Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М. : Наука, 1990. С. 259.

⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 256. Л. 43.

⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 286. Л. 40.

⁸ Там же. Л. 37.

⁹ Там же. Л. 46.

¹⁰ Там же. Л. 42-45.

принять не удалось. Большая часть выступлений по поводу резолюции касалась желания изменить ее тональность (Л. Г. Бескровный: «Тон другой нужно избрать»; А. М. Панкратова: «Конечно, тон всей резолюции должен быть другой»)¹. Требования изменения тона резолюции было связано с желанием снизить остроту критики в отношении действий ученого совета, т.е. готовность нести ответственность имела свои границы. При обсуждении резолюции шла борьба за каждую формулировку: «что значит обязывать членов Ученого Совета» (М. Н. Тихомиров); «несколько иначе сформулировать: в отдельных случаях» (А. М. Панкратова); «не все, а многие или некоторые члены Ученого Совета, а то неудобно получается» (Л. Г. Бескровный)².

Заседание имело свои последствия. В ученой среде сложилось настороженное отношение к диспутам. М. Н. Тихомиров в дневниковой записи от 14 апреля 1952 г. зафиксировал: «Ученый совет в 6 ч. в Институте истории с диссертацией Носова на доктора о черноморском флоте в 1787-1791 гг. Получил 14 «за», 4 «против». Интересно, что 4 голоса было против после всех разговоров о плохой защите диссертаций Бекмахановым и др., отмененных ВАК'ом»³. Периодически тема аннулированных ученых степеней и судьбы их авторов всплывала в общении ученых. Показательно письмо 1962 г. якутского историка И. М. Романова М. В. Нечкиной: «Вы, вероятно, помните трагедию Г. П. Башарина. С ним тогда пострадали многие. Пришлось нам всем пережить трудные годы. Долгих десять лет! <...> Доброе имя и честь Г. П. Башарина и других наконец-то полностью восстановлено»⁴.

Заключение

Отрицательные решения ВАК по диссертациям включали в себя как аннулирование ранее присужденных ученых степеней, так и отказ в утверждении в искомой степени. Чаще всего такая реакция ВАК становилась ответом на разоблачительные публикации в официальной прессе. Рассмотрение обозначенных случаев на заседании ученого совета можно оценивать как этап в развертывании кампании/процесса,

который будучи запущенным сверху спускался на следующий уровень — в данном случае уровень ученого совета, принявшего положительные решения по поводу всех обозначенных диссертаций.

Заседание можно рассматривать не только как эпизод в комплексе идеологических кампаний и дискуссий, проходивших в послевоенное время (противодействие научному объективизму и ложному академизму, борьба с космополитизмом, обновление национальной исторической политики), но и как пример усвоения научным сообществом ритуалов участия в подобных действиях, которые можно оценивать как проявление «театра власти» с четко усвоенными ролями и закономерностями сюжетных поворотов.

Подчеркну, что мартовское заседание 1952 г. было не единственным, где поднимался вопрос о качестве диссертаций. На протяжении 1951—1952 гг. прошла серия подобных обсуждений. Основными стали заседания, состоявшиеся 21 февраля 1951 г. и 26 февраля 1951 г., где рассматривались диссертации Е. Б. Бекмаханова, 14 мая 1951 г., на котором перед докторским диспутом Е. И. Заозерской был поставлен вопрос о переголосовании ученого совета по ранее защищенным диссертациям⁵, 31 июля 1951 г., где обсуждались диссертации Г. П. Башарина, 05 ноября 1951 г., на котором был поставлен вопрос о темах диссертаций аспирантов и докторантов⁶. В совокупности они привели к формированию шаблона при формулировке темы и определении

⁵ Ученому совету, сформированному в новом составе, было предложено переголосовать 7 диссертаций, по которым ученые степени были присуждены без необходимого кворума. Предложение о переголосовании поступило от ВАК как вариант выхода из сложившейся ситуации. Выступавший по этому вопросу С.Л. Утченко резюмировал: «Сейчас ВАК нам очень либерально пошел навстречу, но это в последний раз. Если будут такие явления повторяться, институт окажется в очень неприятном положении» // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 265. Л. 1-4.

⁶ На заседании говорилось, с одной стороны, о необходимости формулировать темы диссертационных исследований, исходя из утилитарных задач государственного развития (Б.Д. Греков: «Тематика диссертаций аспирантов должна соответствовать нуждам страны»), а, с другой, обсуждалась проблема перегруженности работы Института истории по экспертизе диссертаций и иной научной продукции (А.П. Кучкин: «...До последнего времени 80% годового времени Сектор тратил на аспирантуру и докторантуру. Мы стали всесоюзным рецензентским центром. Даже отдельные статьи, в целях перестраховки, посылаются в сектор на рецензирование») // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 256. Л. 118—119.

¹ Там же. Л. 52.

² Там же.

³ Академик М. Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. С. 336.

⁴ И. М. Романов — М. В. Нечкиной // Академик М. В. Нечкина. Из творческого наследия / сост. В. Г. Бухерт. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. С. 130—131.

структуры диссертации. По нашим наблюдениям, именно в 1950-е гг. советский канон становится определяющим при построении диссертационного исследования, с точки зрения процедуры

утверждения темы, подготовки диссертации и ее экспертизы маркируется разрыв с нормами диссертационной культуры, сложившимися еще в XIX веке.

Список литературы

1. Выскуб В. Г. Российская общественно-государственная система аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. М. : Логос, 2005. 256 с.
2. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.). Брянск : Изд-во Брянского гос. ен-та им. фкад. И. Г. Петровского, 2005. 800 с.
3. Институт российской истории РАН 1936—2021 гг. Очерк истории. Библиографический словарь / отв. ред. Ю. А. Петров и А. А. Чернобаев. М. : Ин-т российской истории РАН, 2021. 656 с., ил.
4. Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 221 с.
5. Колеватов Д. М., Корзун В. П. Трансформация ценностных ориентаций в отечественной гуманитаристике в период борьбы с космополитизмом // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М. : ИВИ РАН, 2009. С. 111—113.
6. Колеватов Д. М., Соганова Е. Ю. Инструктивно-регулирующая деятельность ВАК: трансляция и закрепление нормативных рамок научного исследования в советский период // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, С. П. Бычкова. Вып. 7. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 356—369.
7. Корноухова Г. Г. Деятельность высшей аттестационной комиссии в довоенный период сталинизма // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 18—28. DOI: 10.17223/19988613/44/3.
8. Мамонтова М. А., Соганова Е. Ю. Трансформация нормативной стороны «диссертационной культуры» в СССР в 1930 — 1970-е гг. // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В. П. Корзун (отв. ред.), С. П. Бычков (отв. ред.), Н. Н. Алеврас и др.]. Вып. 9. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 146-175.
9. Парсамов В. С., Шалаева А. В. ВАК и проблемы научной аттестации в СССР в 1930-е годы. Итоги и перспективы изучения: препринт WP6/2014/04. М. : Изд. дом. Высшей школы экономики, 2014. (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). 40 с.
10. Советский национальный проект в 1920—1940-е годы: идеология и практика / Д. А. Аманжолова, К. С. Дроздов, Т. Ю. Красовицкая, В. В. Тихонов. М. : Новый Хронограф, 2021. 576 с.
11. Сонин А. С. ВАК СССР в послевоенные годы: наука, идеология, политика // Вопросы истории, естествознания и техники. 2004. № 1. С. 18—63.
12. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. 424 с.
13. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг. / под ред. В. П. Корзун. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 471 с.
14. Хамидов Н. А. История становления и развития исторической науки в 30-80 гг. XX века в Таджикистане: на примере научного наследия академика З.Ш. Раджабова : автореферат на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Худжанд, 2009. 24 с.

Сведения об авторе

Гришина Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории Цифровых гуманитарных исследований, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. natalyagrishina@mail.ru

**“The Annulment of Academic Degrees Cannot But Cause Concern.”:
Dissertations on History Rejected by the Higher Attestation Commission
(Case Study of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR,
the 1940s — Early 1950s)**

N. V. Grishina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. natalyagrishina@mail.ru

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 22-28-00557 “Dissertation culture of the scientific community of Soviet historians of the 1920s-1950s: adaptation of pre-revolutionary experience and the search for a new model of training scientists”

The article analyzes the consequences of the negative decisions of the Higher Attestation Commission on the award of academic degrees. The article dwells on a discussion of the report by A.A. Novoselsky at the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in March 1952, considering 4 such episodes. The transcript of the academic council meeting shows how the canon of discussion was developing. The work studies communicative and behavioral strategies of the meeting participants. The analyzed meeting of the academic council is considered in the context of the development of historical science and scientific policy in the 1940s — early 1950s. The article concludes that the annulment of scientific degrees or the refusal to award them were a manifestation of large-scale ideological campaigns of the period of late Stalinism.

Keywords: *Soviet historical science, dissertation, scientific degree, annulment of a scientific degree, Higher Attestation Commission, Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR.*

References

1. Vyskub V.G. *Rossijskaja obshhestvenno-gosudarstvennaja sistema attestacii nauchnyh i nauchno-pedagogicheskij kadrov vysshej kvalifikacii* [Russian public-state system of certification of scientific and scientific-pedagogical personnel of the highest qualification]. Moscow, Logos, 2005. 256 p. (in Russ.).
2. Dubrovskij A.M. *Istorik i vlast': istoricheskaja nauka v SSSR i koncepcija istorii feodal'noj Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930—1950-e gg.)* [Historian and power: historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (the 1930s-1950s)]. Brjansk, Izd-vo Brjanskogo gos. Un-ta im. Akad. I.G. Petrovskogo, 2005. 800 p. (in Russ.).
3. *Institut rossijskoj istorii RAN 1936-2021 gg. Oчерk istorii. Biobibliograficheskij slovar'*. [Institute of Russian History RAS 1936—2021. History essay. Biobibliographic Dictionary]. Moscow, In-t rossijskoj istorii RAN, 2021. 656 p. (in Russ.).
4. Kimerling A.S. *Vypolnjat' i lukavit': politicheskie kampanii pozdnej stalinskoj jepohi* [Perform and Dissemble: The Political Campaigns of the Late Stalinist Era]. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2017. 221 p. (in Russ.).
5. Kolevatov D.M., Korzun V.P. Transformacija cennostnyh orientacij v otechestvennoj gumanitaristike v period bor'by s kosmopolitizmom [Transformation of Value Orientations in Russian Humanities in the Period of Struggle against Cosmopolitanism]. *Soobshhestvo istorikov vysshej shkoly Rossii: nauchnaja praktika i obrazovatel'naja missija*. Moscow, IVI RAN, 2009. Pp. 111-113. (in Russ.).
6. Kolevatov D.M., Soganova E.Ju. Instruktivno-regulirujushhaja dejatel'nost' VAK: transljacija i zakreplenie normativnyh ramok nauchnogo issledovanija v sovetskij period [Instructive-regulating activity of the Higher Attestation Commission: translation and consolidation of the normative framework of scientific research in the Soviet period]. *Mir istorika: istoriograficheskij sbornik*. Iss. 7. Omsk, Izd-vo Om. gos. un-ta, 2009. Pp. 356-369. (in Russ.).
7. Kornouhova G.G. Dejatel'nost' vysshej attestacionnoj komissii v dovoennyj period stalinizma [The activities of the highest attestation commission in the pre-war period of Stalinism] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, 2016, no. 6 (44), pp. 18—28. DOI: 10.17223/19988613/44/3. (in Russ.).
8. Mamontova M.A., Soganova E.Ju. Transformacija normativnoj storony «dissertacionnoj kul'tury» v SSSR v 1930—1970-e gg. [Transformation of the normative side of the “dissertation culture” in the USSR in the 1930s—1970s]. *Mir istorika*. Iss. 9. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2014. Pp. 146-175. (in Russ.).

9. Parsamov V.S., Shalaeva A.V. *VAK i problemy nauchnoj attestacii v SSSR v 1930-e gody. Itogi i perspektivy izuchenija* [VAK and problems of scientific certification in the USSR in the 1930s. Results and prospects of the study]. Preprint WP6/2014/04. Moscow, Izd. dom. Vysšej shkoly jekonomiki, 2014. 40 p. (in Russ.).
10. Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Krasovickaja T.Ju. Tihonov V.V. (2021). *Sovetskij nacional'nyj proekt v 1920 — 1940-e gody: ideologija i praktika* [Soviet national project in the 1920s—1940s: ideology and practice]. Moscow, Novyj Hronograf, 2014. 576 p. (in Russ.).
11. Sonin A.S. *VAK SSSR v poslevoennye gody: nauka, ideologija, politika* [VAK USSR in the post-war years: science, ideology, politics]. *Voprosy istorii, estestvoznanija i tehniki*, 2004, no. 1, pp. 18-63. (in Russ.).
12. Tihonov, V.V. *Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaja istoričeskaja nauka (seredina 1940-h — 1953 g.)* [Ideological Campaigns of “Late Stalinism” and Soviet Historical Science (the mid-1940s— 1953)]. Moscow; Sankt-Peterburg, Nestor-Istorija, 2016. 424 p. (in Russ.).
13. *Transformacija obraza sovetskoj istoričeskoj nauki v pervoe poslevoennoe desjatiletie: vtoraja polovina 1940-h — sredina 1950-h gg.* [Transformation of the image of Soviet historical science in the first post-war decade: the second half of the 1940s — mid-1950s.]. Moscow, Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPEN), 2011. 471 p. (in Russ.).
14. Hamidov N.A. *Istorija stanovlenija i razvitija istoričeskoj nauki v 30-80 gg. XX veka v Tadžikistane: na primere nauchnogo nasledija akademika Z.Sh. Radzhabova* [The history of the formation and development of historical science in the 1930-80s in Tajikistan: on the example of the scientific heritage of academician Z.Sh. Radjabov]. Abstract of thesis. Hudzhand, 2009. 24 p. (in Russ.).